№ 25
ЮНЬ
928 г.

СМЕХАЧ

ЦЕН
15
КОП

Рис. В. Козлинского

СМЕХАЧ: — Это не важно, что они здесь все голые!

РАЗУМНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ

Рис. Н. Радлова.

— Откуда у вас цилиндр на чучеле?
— А это в наш селькооп вчерась ходовые товары привезли.

НРАВЫ

В два часа дня в школу принесли пакет из исполкома. На нем красовалась огромнейшая сургучная печать с гербом, стоял исходящий номер 1247 и в уголке было отмечено, что срочная и секретная бумага должна быть вручена лично учительнице Клавдии Кондратьевне Доброхотовой.

Учительница, улыбнувшись, вскрыла пакет и вынула с обеих сторон исписанный официальный бланк. Какие еще секреты мог таить в себе очередной бумажный плод мятежной фантазии канцелярских исполкомовских умов?

Ах, дурные бюрократические привычки! Опять требуют, вероятно, сводку сведений о состоянии школьных печей или данные о полезной площади опытного огорода и запасе неизрасходованных фитилей для ламп в текущем учебном году.

„Многоуважаемая Клава!— прочла она, однако, и растерянно и изумленно приподняла бровь:— Я, как предрайисполкома, от вас безусловно потерял голову, и надеюсь получить такую же симпатию, т.-е. познакомиться поближе. Я на все решусь, драгоценная Клавочка, и на коленях у сахарных ваших ножек прошу вас после коров выйти на мост за исполком, чтобы об'яснить там свои мучения сердца без вас, и вообще о своей страсти. А также безусловно могу сказать: если ты не придешь, то я, как исполком, двину против тебя материальчик в ГПУ... Клавочка! Выбирайте и приходите обязательно. Остаюсь с любовью ваш по гроб — председатель Бейматинского исполкома, товарищ Вякилев."

Она выронила бумажку и обессиленно опустилась на стул, ощущая мучительный стыд и краску на лице и тщетно стараясь собраться с мыслями. Чрезмерное внимание председателя, которое давно уже тяготило ее, приняло в последнее время особенно назойливый и неприятный характер, и она понимала, что надо ждать решительной атаки и неприятностей, но предположить, что исполкомовский Ромео перешагнет, облекши свои пылкие страсти в форму такой откровенной и наглой угрозы, за черту элементарной человеческой порядочности— было как-то трудно, все-таки, и не хотелось.

Но сейчас она ясно представила себе вдруг, в какой мере зависит от этого человека, тщетно добивающегося уже третий месяц ее расположения, раздраженного и обиженного ее холодным равнодушием; было очевидно, что он не остановится перед тем, чтобы привести в исполнение свою циничную угрозу.

Она подумала о школе, которую придется, быть может, бросить теперь, о ребятах, к которым успела уже привязаться, о том искреннем и горячем молодом чувстве, с которым ехала сюда, едва сойдя со школьной скамьи, на работу,— и ей стало обидно, горько и противно: она почувствовала себя одинокой, заброшенной и беспомощной и заплакала, уткнувшись лицом в подушку...

Вечером, когда прогнали коров с поля, она не вышла на мост, но, крепко заперши все двери и окна в школе, ощущая смутную тревогу в душе, не раздеваясь, прилегла, погасив огонь, на кровать.

Скоро из района пришел милиционер; он долго стучал в двери и в окошки, кричал снаружи, что ему велено немедленно доставить учительницу в исполком, скверно ругался и грозил всяческими карами за сопротивление властям. Потом он ушел, исчерпав, видимо, запас терпения, настойчивости и бранных слов.

Вместо него явился через полчаса сам председатель; забегая с разных сторон и стараясь заглянуть сквозь темные окна в неосвещенную комнатушку, он целый час кружился, преследуемый яростным лаем собак, вокруг школы; сначала он клялся в вечной любви и предлагал на утро пойти расписаться в загс, потом пригрозил, в случае отказа, немедленным арестом, потом стал умолять, открыв окно, подарить ему хоть один ласковый взгляд и, наконец, отчаявшись, ушел тоже, на прощанье осыпав дрожавшую девушку градом матерных ругательств и оскорблений.

— Будешь помнить, стерва, кто такой Вякилев! — закричал он, отступая, на всю улицу, и со злости и досады швырнул булыжником в школьное окно.

Атака была отбита, и остаток бессонной мучительной ночи прошел без инцидентов.

Но наутро, едва рассвело, и показались первые ребятишки во дворе, и сторожиха, позевывая, начала подметать классы, в школу явился неожиданно начальник районной милиции Грымзин.

— Подвода готова,— сказал он язвительно и с ног до головы оглядел, ухмыляясь нагло, вспыхнувшую девушку.

— Какая подвода? Я не понимаю...

— По постановлению районного исполнительного комитета вы в 24 часа высылаетесь, как проститутка, за пределы района. Иваницкий, собери ихние вещички.

Милиционеру потребовалось ровно пять минут, чтобы свалить в содранную с кровати простыню скудный учительский скарб. Растерявшаяся девушка ничего не успела сказать, не успела даже опомниться; ее под руки вывели во двор и посадили на телегу. Милиционер, привычно оправив кобур, сел рядом, начальник сказал—„Трогай, счастливо!“— и лошади рысью взяли с места. Сторожиха ахала, метаясь на крыльце, ребятишки, сбившись в кучу, пугливо жались у ворот...

На семнадцатой версте, в туркестанских степях, на границе Бейматского района, милиционер велел остановить лошадей. Он высадил девушку и, достав из-за пазухи, отдал ей адресованный в окружной наробраз секретный пакет.

— Дальше самопером крой!— сказал он:— Митька, заворачивай!

Присев в степи на узле с вещами, учительница распечатала пакет.

„Так как в Беймате не имеется партячейки, райисполком принял на себя меры по воспитанию комсомольцев, на каковых местный шкраб Доброхотова действует в развращающем смысле, т.-е. разводя с ними проституцию. Комиссия от исполкома обследовала поведение упомянутого шкраба и, установив наблюдение, обнаружила поздним вечером в занавешенном окне г-ки Доброхотовой тень, в каковой можно заподозрить местного комсомольца, безусловно занимавшегося проституцией с упомянутой гражданкой. В виду чего бейматинский исполком препровождает таковую, как проститутку, в распоряжение Окроно и просит выслать нового шкраба.

Приложение: личность гражданки Доброхотовой.“

В степи дул сухой, горячий ветер, вымерщая степь была мертва и безлюдна, и одинокой неподвижной точкой маячил отставший от каравана верблюд на горизонте. Учительница сидела на узле, плакала и по-детски беспомощно растирала кулаками слезы на лице...

А. Зорич

АНЕКДОТЫ

За нужной мне справкой меня отослали к Кубанскому. Он полусидел на письменном столе и что-то рассказывал сослуживцам, которые тут же ржали от смеха.

— Здравствуйте, товарищ Кубанский,— подошел я к нему,— я к вам в связи с последней ревизией. Не находите ли вы...

— Ревизией? — вскинул на меня глаза Кубанский.— А, кстати, вы знаете анекдот о постановке „Ревизора“?

Он поспешил рассказать мне довольно забавный театральный анекдот, впрочем, где то мной уже слышанный.

— Что, не плохо?— подмигнул он мне.

— Очень не плохо,— вежливо рассмеялся я.—Так вот, значит, вы знаете, что когда от вас выезжала комиссия на места...

— Что, на места?— закричал Кубанский.— Так слушайте. Одного типа спрашивают: „Как вам нравится эта женщина?“. Тот подумал и отвечает:

— Знаете... местами...

— Так как же,—говорю,—насчет комиссии?

— Он обиделся,— заметил кто-то из собеседников Кубанского,— что ты рассказываешь ему избитые анекдоты, надо рассказать ему про одессита в поезде.

Я плюнул и пошел к начальнику учреждения:

— Что у вас здесь: учреждение или производство подержанных анекдотов?— крикнул я.— Вот уже полчаса, как мне рассказывают всякую чушь.

— Чушь?—обиженным голосом сказал вошедший вслед за мной в кабинет Кубанский.— Анекдот про одессита в поезде он считает чушью! Вот чудак,— ему ничем, видно, не угодишь!..

— Конечно,—укоризненно заметил начальник,—кто же теперь рассказывает про одессита,- вы ему лучше расскажите серию детских, хотя бы вот этот: „Ну, и семейка“...

— Я знаю про семейку,— уныло сказал я.

В это время в кабинет вошел управделами с бумагами для подписи.

Пока начальник их подписывал, он успел рассказать анекдот о монахе и купчихе.

Кубанский немедленно же рассказал еще два анекдота, один про „Новый способ“ и второй насчет занавески. Заполнившие к тому времени кабинет сотрудники дружно грохотали на все лады. Сам начальник давился от смеха.

— Видно, вы, товарищ, не особенно поклонник такого рода анекдотов,— сказал он, — надо тогда вам рассказать добрый старый анекдот про курицу.

Едва он выговорил это слово „курица“, как среди присутствующих раздался взрыв смеха, продолжавшийся не менее пяти минут.

Отсмеявшись, он начал:

— Офицерик (это при старом режиме было) говорит своему денщику: —„Иван, зарежь курицу!“—„Не могу, ваше благородие,— отвечает денщик,—за ними генеральский петух ухаживает!..“

* * *

Я вышел из кабинета, оставив публику держащейся за животы и корчившейся в неудержимых судорогах смеха.

Грустный старичок, к которому меня сплавил великолепный Кубанский, дал мне все нужные материалы.

На прощанье я спросил у старичка:

— Послушайте, что все это значит? Что это за анекдотизация? Вы — единственный человек, не рассказавший мне ни одного анекдота.

— Да, знаете-ли, — сказал он,— дело к старости идет. Не упомню. Чувствую, что недолго мне еще здесь прослужить. У нас сам начальник Иван Фомич очень остроумная личность и в сотрудниках остроумие весьма ценит. Без остроумия у нас человеку прямо таки никакого хода нет.

Когда я одевался в швейцарской, бодрой походкой спустился с лестницы Кубанский и тоже стал одеваться.

— А калоши?— сказал я медлившему швейцару.

И швейцар, и Кубанский фыркнули.

— Чему вы?— удивился я.

— Анекдот такой есть про калоши,—об'яснил мне Кубанский, пока швейцар фыркал за вешалкой.

— Болван!— сказал я Кубанскому.

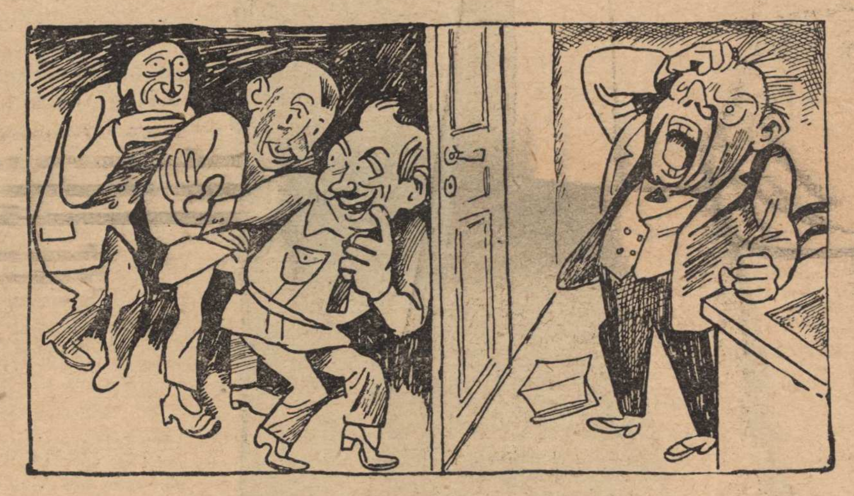
— То-есть, как? — обиделся он.— Вы забываетесь...

— Чудак,—сказал я,—вы уже и обиделись. Это такой анекдот есть...

С. Карташов

ИСКРЕННЯЯ САМОКРИТИКА

Рис. А. Радакова

ЗАВ:— Ах, я осел, ах, я дурак набитый, ах, я дубина стоеросовая...

ПОДСЛУШИВАЮЩИЙ:— Тсс... Заведующий занимается самокритикой.

ЗАВ (продолжая):— ...И как же это я, растяпа этакая, позабыл, что вчера коммерческий наш директор, благодетель и кормилец мой,—именинником был!!

ВРЕДИТЕЛИ

Рис. Л. Бродаты

— Скажите, Пьер, как вы рассчитываете глубину шахт: на аршины или на метры?

— О, нет, Мари: преимущественно — на иностранную валюту.

ЧЕРНЫЙ КОБЕЛЬ

Познакомился я с ним на пляже, на хрустящих под ногами ракушках.

Он лежал на пестром коврике, предоставив солнечным лучам свое волосатое, худое тело. Щурил взор в морскую зыбь и лихорадочно прыгающим карандашиком то и дело заносил в блок-нот косые строчки.

— Сочиняете? — подсел я к нему.

— Творю!

Море заплевывало пляж брызгами и пеной, вихляла крылом чайка, и бежал над зыбью без нужды и без цели „парус одинокий“.

Словом, были все „атрибуты“ для добросовестного со „стажем“ в несколько веков — стихотворения.

— Об этом? — подмигнул я поэту на окружающую благодать.

Он мотнул головой и с готовностью развернул блок-нот.

— Вот... часть уже написана: „Мечта волны“... Неправда ли, недурное название?

— Гм... как сказать! — поежился я — старомодненькое...

Чу, все равно, слушайте:

Под солнцем и небом
До грешной земли
Зеленые волны
Шумливо неслись.
Меж них рокотала,
Плескалась одна,
Слезинкой вскипевшей,
Морская волна.
И молвило море,
Проснувшись от сна:
— О чем твое горе?
Скажи мне, волна.
И молвило небо
С небесных высот...

... — Вот до этого места у меня написано... Как находите?

— Да, видите ли...— замялся я — все это очень хорошо, прекрасно... но это самое было и сто и двести лет тому назад; теперь же, в нашей современности...

— Вы коммунист? — перебил он меня.

— Да... а что?

— А то, что теперь для меня все ясно: вам нужно, чтобы все непременно кончалось интернационалом? Правда ведь?

— Это, конечно, не так, но, видите ли...

В конце концов, он согласился с тем, что в нашу революционную эпоху бессмысленно отсиживаться на „птичках в эфире“, на „голубой эмали небес“ и на мечтающих о чем попало изумрудных волнах...

— Погодите минуточку! — схватился он двумя пальцами за виски — я уже на новое настраиваюсь, я уже...

...Настроение длилось несколько дней...

И опять зыбилось, подмигивало солнечными искорками море, шуршали ракушки...

Поэт раскрыл блок нот:

— Итак, самоновейшая темочка... „Мечта завода“... Теперь-то, я думаю, придраться не к чему, — обстановочка самая что ни на есть производственная. — Вот оно стихотворение:

Во мгле тоски и горя,
На побережьи моря,
Полн суетных забот —
Грустил завод.
Вздымались кверху трубы,
И голос трубный, грубый,
Сзывал всех на моленье.
Мечтал завод... — И вот...

... — Дальше еще не дописано! Но скажите — теперь вы тоже будете придираться? Теперь вы тоже скажете, что...

Нет! я больше не „придирался“. Не стоило огород городить. Не бывало ведь таких случаев, чтобы „черные кобеля отмывались до-бела“.

А. Митницкий

„МОСКВА, МОСКВА...“

Рис. А. Радакова

В московском зоосаду животные находятся в естественных условиях.

1. ЗВЕРИ В ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ.

2. ЛЮДИ В ЗВЕРСКИХ УСЛОВИЯХ.

РТУТЬ

Ященко приехал в Москву специально для того, чтобы повидать товарища Гайкина и поговорить с ним относительно летней экспедиции, в которой Он—Ященко—должен был принять участие.

Ященко дорожил временем. Он хотел сегодня же выехать из Москвы и поэтому прямо с вокзала отправился в учреждение, в котором работал Гайкин.

Обшарив близорукими глазами доску с указанием отделов и подотделов и, не найдя нужного, Ященко подошел к девице, сидевшей за столом справок, и заявил ей, что желает видеть по очень важному и спешному делу товарища Гайкина. Девица подняла указательный палец кверху и, не глядя на Ященко, изрекла: „Второй этаж, комната 213.“

Ященко вежливо откланялся, сказал „Благодарю вас“ и пошел по указанному адресу.

В комнате номер 213 восседал в горизонтальном положении бритоголовый, весьма энергичного вида, человек и читал какую-то бумагу.

Не меняя позы, он повернул голову в сторону вошедшего Ященко и вопросительно уставился на него, как бы говоря: „Ну-с, я вас слушаю. В чем дело, товарищ?“

— Я приехал...—сказал Ященко, но тут зазвонил один из трех настольных телефонов. Бритоголовый взял трубку.

— Алло!.. Я... Здравствуйте... Что?.. Да... А?.. Да, да... Ага... Хорошо... Так, так... Ну, пока.

— Простите,—сказал он, кладя трубку,—я вас слушаю.

— Я приехал...—начал было Ященко, но новый телефонный звонок не дал ему договорить.

Бритоголовый привычным движением поднес трубку к уху.

— Слушаю!.. Что?.. Оля?..—он принял вертикальное положение, прикрыл рот рукой, и голос его сделался тихим и вкрадчивым.—Что?.. Нет... Уверяю тебя, что нет... Честное слово... Ну, ладно. Потом поговорим. Позвони через полчаса... Да... Я сейчас занят.

Вероятно, этот разговор не имел никакого отношения к служебным обязанностям бритоголового. Скрывая смущение, он с преувеличенной деловитостью спросил Ященко:

— Так в чем дело, товарищ?

Но не успел Ященко открыть рот, как снова затрещал телефон.

— Прямо игра какая-то!—с огорчением подумал Ященко, глядя на разговаривающего бритоголового, который минут десять то кивал головой и поддакивал:—„Да, да!“, то отрицательно мотал ею, восклицая —„Нет! нет!“

Покончив с этим несложным занятием, бритоголовый повернулся к Ященко и, как показалось ему, с досадой спросил:

— Ну, так в чем же дело?

— Я приехал...—успел было произнести заученную фразу Ященко, но в этот момент в дверь просунулась голова какого-то молодого человека, который озабоченно выкрикнул:

— Вас просят, Иван Петрович!

Бритоголовый сорвался с места, на ходу кинул Ященко: „Я сейчас!“ и исчез.

Прошло около часа. Ященко начало казаться, что он сидит здесь со вчерашнего дня. В комнату заглянул какой-то лысый человек, повертел головой, сказал — „Что, никого нет?“—и, не ожидая ответа, скрылся.

Затрещал телефон. Вероятно, звонила Оля.

Ященко с ненавистью покосился на аппарат и подумал, что хорошо бы, пока никого нет, перерезать провод. Пусть тогда звонят.

Терпеливое ожидание сменилось у Ященко негодованием, возроставшим с каждой новой минутой.

Наконец, бритоголовый вернулся.

— Послушайте, товарищ! — шагнул к нему Ященко.—Я приехал...

Словно издеваясь над ним, затрещал телефон. Бритоголовый схватился за трубку.

— Безобразие! — разозлился Ященко.—Хамство! Что он издевается, что ли?.. То-ва-рищ!—заорал он, когда бритоголовый кончил разговаривать.—Я дорожу временем! Мне некогда здесь сидеть по целым часам! Я приехал...

— Товарищ! Во-первых, не орите!—сурово перебил бритоголовый,—а, во-вторых...—но досказать, что во-вторых, ему не удалось. В комнату ворвался какой-то желчный гражданин и, отстранив Ященко, вцепился в бритоголового, требуя от него ответа на свое заявление, поданное три месяца назад.

— Товарищ!—сердито оборвал желчного гражданина бритоголовый.—Вы же видите,—он махнул рукой в сторону Ященко,—я занят! Я не могу разговаривать сразу с двумя!

Затрещал телефон. Бритоголовый поспешно, словно радуясь возможности отвязаться от назойливого посетителя, схватил трубку и подбросил ее к уху.

— Алло!.. Да, я... Что?.. Что же вы мне раньше не сказали?.. Безобразие!.. Я же просил!..

Он сердито швырнул трубку, сгреб со стола портфель и побежал из комнаты, в дверях крикнув:

— До завтра!

Александр Архангельский

НАРЯДНЫЕ МЫСЛИ

1. Если тебя раздели на улице, вспомни о наряде милиции!

2. Как-бы не была капризна мода, твоя жена, идущая в ногу с модой, капризнее ее.

3. С миру по нитке — экономия на рубашках.

4. Пользуясь рабкредитом, легче получить по шапке, чем по костюму.

5. Говорить о тонких материях можно и не интересуясь контрабандным шевиотом.

М. К-ий

ПУГАНАЯ ВОРОНА

Рис. В. Козлинского

— Сейчас будут Францию передавать.
— А... извиняюсь: это без заграничного паспорта слушать можно?

ИГРА В ПЕРЕПИСКУ

Главбух и помбух механ. цеха на трехгорной мануфактуре, сидя в одной комнате, между собой не разговаривают, а пишут друг другу отношения.

I. „ОТНОШЕНИЕ" ГЛАВБУХА

М. С. Н. Х.
Всекондитерская фабрика
Главбух
25 мая 1928 г.
№ 67.

Помбуху Васяткину.

Уважаемый товарищ!

Сообщаю Вам, что подготовительные работы к общему балансу должны быть готовы ориентировочно к 15 июня с. г. При этом присовокупляю просьбу одолжить мне одну папиросу, ибо таковые позабыты мною дома.

Основание: мигрень после вчерашнего поккера.

II. „ОТНОШЕНИЕ" ПОМБУХА

Помбух
Васяткин
25 мая 1928 г.
№ 44.

Тов. Главбуху.
Глубокоуважаемый товарищ!

В ответ на отношение Ваше от 25 мая с. г. за № 67 извещаю Вас, что сообщение Ваше о сроке подготовительных работ к балансу принято мною к сведению. Пользуясь случаем выразить Вам мое искреннее сожаление по поводу постигшей Вас нервной болезни, именуемой мигренью, препровождаю при сем одну просимую Вами стандартизованную папиросу, расписку в получении коей благоволите выслать.

Приложение: упомянутое (1 папир. „Басма").

III. „ОТНОШЕНИЕ" ГЛАВБУХА

Главбух
25 мая 1928 г.
№ 68.

Помбуху. На № 44.

Подтверждая получение почтенной папиросы Вашей, прошу о высылке одной спички для закуривания оной, а также коробку, каковая после использования будет Вам незамедлительно возвращена.

Основание: см. отнош. наше от 25/V за № 67.

IV. „ОТНОШЕНИЕ" ПОМБУХА

Помбух
25/V
№ 45.

Иван Акакиевич!

Согласно просьбы Вашей при сем препровождается коробка спичек и просьба бухгалтера Сиводуева о возврате ему стоящих на Вашем дебете 5 (пяти) рублей, взятых Вами заимообразно во время упомянутой Вами в отношении от 25 мая с. г. за № 67 карточной игры.

Приложение: коробка спичек.

V. „ОТНОШЕНИЕ" ГЛАВБУХА

25/V
№ 69.

Гриша!

При сем возвращаю тебе спички.

Приложение: кукиш с маслом для кредитора Сиводуева.

С подлинным верно (подпись) *Аргус*

ЛЕГКОМЫСЛЕННЫЙ ОРАТОР

Рис. А. Радакова

Попы вновь пытаются организовать сборы денег на постройки церквей.

— Как приятно видеть этот пафос строительства! Не забыть бы в докладе примерчик привести...

— Как быстро идет стройка! Подтянулись наши строительные организации... Не забыть бы в докладе..

— Ишь, черти, как насобачились! Экую махину в два месяца возвели! Бегу делать доклад...

— Гос-с-поди!.. Что за наваждение!!!

ОТПУСК И „ПОПРАВКА“

Обычно его день складывался из собраний, совещаний, согласований, увязок и прочих дел хорошо нагруженного активиста. Домой он являлся изредка, чтобы оставить записку жене (жена была тоже активистка и хлопотала по своим совещаниям и согласованиям), повозиться у примуса и несколько часов проваляться на запущенной, как барский сад, кровати.

А дела, совещания и согласования переплетались, начиняли одно другое, наподобие деревянных матрешек, и требовали все больше и больше времени.

К весне же оказалось, что он начал уставать и что в предвидении этого существует институт отпусков.

* * *

В первый день отпуска он проснулся, как всегда: около восьми. Сел на кровати и стал соображать, какие собрания и увязки предстоят ему сегодня. Напридумал десять неотложнейших согласований и тогда только вспомнил про отпуск.

Он остался в кровати и принялся осматривать комнату. В ней обнаружилась масса нового; особенно поразило его невиданное раньше пятно на обоях в виде большого кукиша с бахромой. Осматривая, он время от времени забывал про отпуск и тогда привычной памятью хватался за предстоящие совещания, а рукой — за штаны.

Потом, надумав одеваться, очень удивился своему пиджаку. Пиджак — он твердо это помнил — был куплен, как синий, синим всегда и считался. И вдруг висел на спинке стула — совершенно серый. Однако, по внимательном рассмотрении, выяснилось, что пиджак стал серым от разносортных волос и шерсти, которыми был покрыт, и — главное — от пыли, пропитавшей его насквозь.

Оказалось также, что пыль преобразила и ботинки — из черных — в рыжие. Она внезапным столбом поднялась от дивана, когда герой наш — его звали Чесов, товарищ Чесов, — бросил туда бессмысленный на время отпуска портфель. Пыль осела на полку с книгами, на все грани шкафа и подоконник.

Словом, товарищ Чесов растерянно обнаружил, что до сих пор он жил в окружении пыли. Это как-будто даже его расстроило, и Чесов решил с завтрашнего же дня повести борьбу.

Товарищ Чесов срочно об'явил противопыльную кампанию — пока в масштабе своей комнаты. Он вытер все предметы, находившиеся в комнате, включая французскую булку, внутренность жестяного чайника и самого себя. Водрузив стул на стол, он влез на образовавшийся эшафот и оттуда обпрыгал весь потолок. Затем выволок на двор диван и два часа кряду выбивал его палкой.

Чесов обильно и с харком сплюнул в знак передышки, намеревался сесть, как вдруг заметил вылезающую из внутренности дивана книгу. Книга — само собой разумеется — представлялась в виде бутерброда с пылью. Чесов стер серый слой и узнал популярный труд по биологии, который он приобрел осенью, чтобы заняться самообразованием. Теперь же стояла поздняя весна, а книга еще не была разрезана и, стало быть, все это время намеченная программа не осуществлялась.

Вспомнив в связи с книгой осенние планы, Чесов осознал, что за долгие осень и зиму он также не успел записаться в жилищный кооператив — для получения двух удобных комнат в новом доме вместо неудобной теперешней.

Не отложил сбережений, которые по самому верному подсчету легко было сделать. Жена — у ней были слабые легкие, — не лечилась и еще больше расшатала здоровье. И даже платье и белье, не пополняемые, хотя постепенное их обновление тоже предполагалось, — теперь вконец износились.

В этом смысле особенно нагло вели себя шнурки от ботинок: последний месяц они каждый день рвались два или три раза. Товарищ Чесов налился кровью и побагровел от ненависти к шнуркам, злобно зашевелил пальцами ноги, и, конечно, подлые шнурки воспользовались случаем лопнуть в середине шнуровки.

* * *

В лице книги и шнурков Чесов столкнулся с еще большими дезорганизаторами, чем пыль. Ведь для того, чтобы восстановить шнурки вместе с прочим платьем и бельем, чтобы выполнить курс самообразования, отложить сбережения, поправить здоровье и получить удобные комнаты в новом доме, — чтобы проделать все это — требовалось очень много времени. Две недели отпуска тут не могли помочь.

А коли так — какой был смысл бороться против пыли? Все равно благополучие недостижимо. И Чесов злобными пинками ноги начал двигать диван обратно в комнату (от этих пинков, кстати, и шнуркам неприятность: пускай еще раз порвутся). Так — ногами, по-футбольному, диван и был поднят на третий этаж. Разумеется, диван от этого не выиграл, но уж одно к одному: поломанная мебель — к изношенному платью, дырявое платье — к скверному здоровью, плохое здоровье — к неудобной комнате и т. д...

Впрочем, единственным и отдаленным утешением оставался еще итог работы активиста, ради которой была без оглядки предоставлена пыли и всяческой косности (от шнурков до здоровья жены) личная жизнь товарища Чесова. Там, на работе, за это время им было сделано что-то реальное.

* * *

И все же товарищ Чесов ходил злой, нарочно марал штукатуркой платье и, проходя по садовым дорожкам, пылил шаркающими шагами. И, вообще, встречая пыль, он ехидно подмигивал ей, как сообщнице. Одеваясь, Чесов нарочно дергал и натягивал белье, костюм, обувь. Довольно шипел, когда что-нибудь рвалось или не ладилось. Он купил себе пару шнурков для ботинок и пугал ими — новыми шнурками — старые, рвавшиеся: вынимал новые шнурки, подносил их к ботинкам и потом грозил пальцем старым шнуркам. Вдел новые шнурки только через неделю.

Однако, отдаленные оправдания всей этой обволакивающей косности продолжали существовать — на службе. И после нескольких дней самоотверженного ехидства Чесов захотел черпнуть там уверенности для дальнейшего существования рядом с пылью. Он нарочито-беззаботно (без портфеля) пришел в отдел, где работал. Улыбаясь, приветствовал сослуживцев и сел даже не на стол своего заместителя, а как самый сторонний посетитель, — на поломанное кресло у двери. После обязательного выражения зависти чесовскому отдыху, разных взаимных осведомлений и шуток один из товарищей спросил:

— Да, вот еще что, брат: ты наверное знаешь, как нам поступить с теми суммами культфонда, ну, знаешь — остатки и разница?

— Да ведь о них есть постановление, — сказал Чесов, — построить на эти средства спортплощадку. Как-будто, в пятом протоколе фабкома — об этом...

Посмотрели в пятый протокол. Искомого постановления там не оказалось. Перерыли смежные протоколы, и тоже — безуспешно. Товарищ в недоумении почесал подбородок, затылок и ляжки.

— Ты, наверное помнишь, что пятый протокол? — сказал он, — тогда, может быть, пятый-то протокол прошлого года? А ну, посмотрим.

И действительно: постановление, оставшееся втуне, было вынесено в начале прошлого года.

Товарищ, отложив протоколы, заговорил о другом, а Чесов, сам еще не понимая из-за чего, помрачнел и ушел. Уже на улице он стал понимать, что случай с прошлогодним протоколом уничтожал последнюю его цитадель против пыли и косности заброшенного быта. Ибо, если такая же косность встречается в его работе, то из-за этой работы не стоит терять личную жизнь.

Желчь, неудовлетворенность и злорадное ехидство по отношению к себе и окружающим теперь не оставляли Чесова. Он желтел, бледнел и терял кило своего веса с такой легкостью, как будто они помещались в дырявом кармане.

* * *

По окончании „отдыха“ Чесов явился на работу с заранее приготовленной иронической улыбкой по поводу бесплодной суетности этой самой работы.

Но к искреннему удивлению самого Чесова улыбка уже со следующего дня начала таять под жарким напором совещаний, согласований, увязок и прочих дел. Улыбка таяла, испарялась, а вместе исчезала из видимого мира пыль, куда-то уходила раздражающая косность вещей.

И приблизительно через неделю, столкнувшись нечаянно с женою и — что самое удивительное — столкнувшись у себя дома, Чесов уже безо всякой улыбки рассказывал ей о замечательном устройстве новой спортплощадки в клубе, глядел при этом на обои, но не замечал пятна в виде кукиша с бахромой и полоски пыли по багету.

Он рассказывал так оживленно, что шнурки на ботинках не выдержали — лопнули. Тогда товарищ Чесов спокойно нагнулся их связать, нагнулся, не прекращая рассказа.

Через месяц после отпуска товарищ Чесов окончательно поправился.

В. Ардов

Рис. Ю. Ганфа

ПЕСОК И СЛЕЗЫ

— Шустрый мальчонка! Небось, вырастет — архитектором будет, кооперативные дома строить станет!

„КЕСАРЕВО КЕСАРЕВИ...“

Рис. К. Ротова

— Ого, какой шикарный стол! Интересно, на какие средства вы все это устроили?
— На гонорар за книжку „О вреде пьянства“.

ТОЧНАЯ МЕХАНИКА

С 20 лет Сергей Котомкин стал готовиться стать писателем. Он сидел у стола, грыз в бессилии карандаш и задумчиво смотрел на литографный портрет курчавого Пушкина.

— Пушкина, пожалуй, из меня уж не выйдет! — говорил он, подсчитывая биографию поэта.— Пушкин, чорт, с 15 лет стихи писать начал. Но ничего! Гоголь с 22 лет собственно писательством занялся. Гоголем вполне может случиться, что и буду еще!

Он заменял на стене Пушкина гладко причесанным Гоголем и любовно смотрел на сатирика.

— А Гоголь, по моему, даже и выше, чем Пушкин. Что Пушкин? Поэт, вертопрах, а это — глубочайший писатель!

Время шло. Счетовод Сергей Котомкин скромно свершал свой житейский путь. Днем сидел за счетами, подсчитывая дебеты и кредиты, а вечерами углублялся в писательское творчество. Стенной портрет Гоголя был заменен уже репинским эскизом Льва Толстого. Котомкин брал биографию Толстого и подытоживал синим карандашом:

— „Рубка леса“ написана 25-летним Толстым, а „Детство“ 26 лет. Даже среди биографов царит разногласие. Некоторые полагают, что и „Рубка“ написана после „Детства“, так что...

Он с гордостью смотрел на свой паспорт и думал:

— Не упущено еще время! Решено, буду Львом Толстым! Слава богу, мне еще только 24 года, 3 месяца и 18 дней. О-о, еще есть времячко для написания и „Рубки“, и „Детства“!

— Хорошо это быть молодым писателем! — воскликнул он.— Сколько возможности впереди!

Дантист, пломбировавший Котомкину зубы, сказал:

— Что же! Пять плохих зубов—для 28-летнего мужчины это не так много еще!

— Да. Мы, писатели, привыкли ухаживать за зубами.

— А вы что, писатель?

— Почти. Думаю им стать. Вон писатель Короленко 30 лет начал писать.

На днях я встретил Котомкина. Он шел печальный и задумчивый.

— Что вы такой?—спросил я.

— Мне сегодня исполнилось 35 лет...

— Поздравляю! Все еще не поздно стать писателем. Крылов 40 лет первые басни написал, а ничего себе, на весь мир прославился старик!

— Теперь, милуша, не те времена. Крылов теперь никогда бы не был баснописцем!

— А что?

— Теперь с 16 лет надо писателем делаться. Не позже! Вон у меня знакомый писатель еще в 1922 году сотворил роман, потом понес его в Гиз, оттуда передали в Гус, а оттуда из комиссии в комиссии... Шестой год, бедняга, ходит и ничего выходить не может. Два — за, два голоса — против, да три раза рукопись теряли... Эх, не видать бы Крылову теперь своего памятника... И меня только зря эти Пушкины подвели!

Вл. Тоболяков

ЛЮБИТЕЛИ КОНТРАБАНДЫ

За обедом жена сказала мне:

— Приходила Кадельская и передала, что в гостинице „Беларусь" в № 21 живет какой-то чех, который продает заграничные вещи. Этот чех приехал недавно из Чехии и завтра едет обратно. Кадельская купила у них платье и замечательные туфли. Туфли — 25 рублей, а платье — 45.

— Почему же так дорого? — спросил я.

— Это по-твоему дорого? — удивилась жена. — Ведь это все заграничное! Это даром, а не дорого. И вот у них еще там есть мужской синий костюм и еще одно шерстяное платье. Пообедаем и сейчас же побежим и купим, а то другие перехватят.

И наскоро пообедав, мы поехали трамваем в гостиницу „Беларусь".

Постучавшись, мы вошли в № 21, и жена, извинившись, сказала:

— Простите, нам передали, что так как вы все равно уезжаете за границу, то продаете кое-что из ваших вещей.

Супруга чеха, толстая женщина с карими глазами, ответила на ломаном русском языке:

— Да, мы продаем заграничная вещь, так как нам очень нужна деньга.

— Да, да, — сказал чех, кивая лысой головой. — Продаем веща. Нам очень нужна деньга. — И вынул из чемодана поношенный синий костюм.

Моя жена сказала мне: — „Примерь", — и я послушно полез в заграничный пиджак. Он мне был узок и рукава коротки.

— Это ничего, — сказала мне жена, заметив, что я чувствую себя в чешском пиджачке, как слон в футляре от скрипки. — Это ничего, зато материал какой шикарный. — И спросила у хозяев каким-то особенно вежливым, противным голосом:

— А простите за вопрос, сколько стоит этот костюмчик?

— Шестьдесят пять рубель, — ответила жена чеха.

— Немножко дорого, — пробормотал я нерешительно, но жена моя сказала: — „Берем!" — и строго посмотрела на меня.

За коричневое полинялое платье было заплачено тридцать рублей.

На прощанье жена чеха сказала:

— Вы мне очень понравилась. Хочу только одна последняя пара дамска туфель предложить — 22 рубля.

У моей жены загорелись недобрым огнем глаза, она кинулась на эти туфли, как тигр. Сразу же их примерила и сказала:

— Чуть-чуть давят, но туфли замечательные.

— У нас ведь больше денег нет... Так, конечно, хорошо бы их купить, но ведь у нас больше денег нет, — поспешил я поставить в известность и чеха, и жену.

Но жена моя возразила, обращаясь к милым иностранцам:

— Можно так? Я вам сейчас могу дать 5 рублей, а завтра занесу и остальные? — и уж гораздо грубее обратилась ко мне: — А ты завтра достанешь в кассе взаимопомощи или еще где-нибудь... Или вот что: я здесь посижу, а ты пойди, пожалуйста, и одолжи до завтра у кого-нибудь.

— Очень хорошо. Иди и одолжи, — сказали мне чешские супруги. — А ваша жена у нас посидит.

Побывав у 15 приятелей, я через два часа примчался обратно в гостиницу „Беларусь" и заплатил остальные деньги за туфли. Попрощавшись и пожелав счастливого пути чехам, мы с женой ушли.

По дороге жена все время радостно говорила:

— Прямо даром! Такой костюм из заграничного материала самое меньшее стоит 180, и то нигде не достанешь.

Газету, где были завернуты платье и туфли, она нежно прижимала к своей груди и говорила: — Какое счастье! Я так давно мечтала о заграничной обуви и заграничной шерсти...

Вечером мы раз десять примеряли свои покупки и счастливые заснули.

На следующий день, когда пришли к нам знакомые, я опять полез в свой узкий гроб-пиджак, чтоб похвастаться. Но на этот раз правый рукав лопнул, а за ним треснула спина, и пиджак легко свалился на пол. А когда жена поспешила его скорее поднять, то вдруг все мы услыхали ее взволнованный голос:

— Смотрите, смотрите, что это за буквы сзади подкладки на воротнике.

— МСПО, — прочел один из наших знакомых, слегка улыбаясь.

А другой знакомый неизвестно зачем перочинным ножичком начал скоблить подошву заграничных туфель и вскоре с каким-то особенным злорадством об'явил, читая по складам:

— Ско-ро-ход...

Утром раненько мы помчались в 21 номер гостиницы „Беларусь". Возле этого номера стояло много людей. Они волновались и размахивали туфлями, ботинками, платьями, пиджаками, галстуками и еще чем-то.

Служитель гостиницы сердито об'яснял:

— В сотый раз вам говорю — расходитесь по домам. Никакие они не чехи, а обыкновенные русские граждане из города Костромы, туда же и уехали — шестичасовым скорым.

Б. Левин

БЛАГОУСТРОЙСТВО КЛАДБИЩ

Рис. Кукрыниксы

Групповой памятник

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

Газета „Труд" (2112) о Максиме Горьком:

Союз пищевиков удостоил его званием почетного члена союза, но Горький вправе подойти к окну регистратора любого союза и заявить:

— Союзный билет положите на это место.

Не удастся перед Горьким прихлопнуть окошко регистратору союза совторгслужащих. Не он ли был продавцом в магазине обуви? Придется внести в свои союзные регистры союзу водников пароходного поваренка Максима Горького.

Статья кончается следующими словами:

Таков Горький. Таков певец труда...

А можно было бы закончить эту статью, помещенную в газете „Труд", гораздо эффектнее.

Например, так:

Таков Горький. Таков певец „Труда" (тариф на об'явления позади текста 1 р. 50 к. строка нонпарели).

*

Журнал „За грамоту" (№ 3—4) поместил стихотворение Антона Пришельца „В дороге". Вот как оно начинается:

Тот же плуг. И та же борона.
Все скрипит кольцовская Сивуха.

Мы знаем кольцовскую Сивку („Ну, тащися, Сивка...").

Антон Пришелец превратил ее в Сивуху — и сделал это не совсем кстати: сотруднику журнала „За грамоту" следовало бы знать, что сейчас об'явлена кампания по борьбе с алкоголизмом.

ОТВЕЧАЮТ

Последняя партия ответов отзывается почти исключительно на театральную „Смехачину".

Можно с уверенностью сказать, что из трехсот-четырехсот писем ни одно не написано режиссером: режиссеры отнеслись бы помягче к тем роковым вопросам, которые были предложены нами...

Правда, в этом смысле очень подозрителен один ответ на вопрос: „Почему не ходят?":

— „Мимо — очень даже часто!"

На вопрос „Почему критики сердятся?" Н. Р. из Владикавказа пишет:

— „Ничего подобного. Когда пишут, не посмотрев пьесы, то часто даже хвалят".

А. З. Р. из Костромы добавляет:

— „А если не будут сердиться — кто же им поверит?"

Вопрос: „Кто не получает контрамарки?" очевидно задел за больное место очень многих остряков-соревнователей.

Конст. П. из Новгорода спешит опубликовать всенародно:

— „А я получаю. Я хитрый."

Завидуем этому Конст. П.: хитрый человек всегда пролезет. Ему и в крематории родственников не надо; без протекции сожгут.

„Что делает в театре зритель, когда он не спит?"

Этот вопрос многих очень сильно смутил.

— „Неправильно поставлен вопрос!" — советует нам Н. К. из Самары. — Лучше так: „А что делает театр, когда зритель спит?"

Как видит читатель, от премий все эти ответы отстоят на почтительном расстоянии.

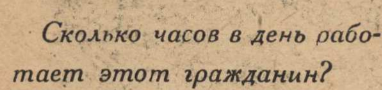
Мы не жадные, но если за это премировать — кто же тогда непремированным останется?

Подождем еще ответов.

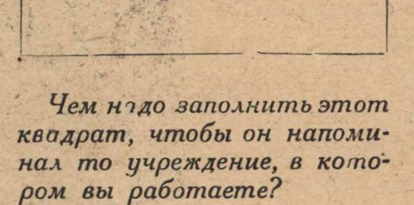
НОВАЯ СМЕХАЧИНА

ВОПРОС ПЕРВЫЙ: *ВОПРОС ВТОРОЙ:*

Сколько часов в день работает этот гражданин?

Чем надо заполнить этот квадрат, чтобы он напоминал то учреждение, в котором вы работаете?

За наиболее остроумные ответы будут выданы 3 денных премии, а ответы будут напечатаны в „Смехаче“.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Рис. К. Ротова

— Я хоть одно слово напишу, да всем понятно. А эти наши писатели их тысячами пишут—и никто не понимает!

40 ЧЕЛОВЕК и 8 ЛОШАДЕЙ

ПРАВИЛА ХОРОШЕГО ТОНА

Грозненский Городской Совет издал обязательное постановление за № 5, представляющее собой „Правила хорошего тона“:

Президиум Грозненского Городского Совета постановляет:

Воспретить на территории, подведомственной Грозненскому Горсовету... публичное демонстративное отправление естественных потребностей, приставание к прохожим, насмешки, обрызгивание водой, плевки на платье, бросание всякого рода предметов в карманы платьев граждан, подставление ноги или палки под ноги прохожим и т. д.

Как видите, постановление Грозненского Совета заключает в себе много пробелов.

Так, не совсем ясно,—допускается ли, например, на территории, подведомственной Грозненскому Горсовету, сморкание в полы пальто незнакомых прохожих, ковыряние в чужом носу, щекотание посторонних подмышками, бросание голландского сыра, особенно в ночное время, в электрические лампочки, беспричинные прыжки через проезжающие трамваи и автомобили, намыливание щек для бритья соседу по креслу в театре во время представления и т. д.

РОМАН В ТРЕХ СТРОЧКАХ

А здорово, однако, у нас научились писать бумажки!

Словечка в простоте не скажут,— все оформят, согласно установленному бюрократическому трафарету.

Жилец из общежития Вышневолоцкого завода „Красный Май“, заведующий лабораторией Петрени, подал следующее официальное отношение технику завода по строительной части тов. Чернову:

ТЕХНИКУ ПО СТРОИТЕЛЬНОЙ ЧАСТИ
ТОВ. ЧЕРНОВУ С. И.

Заявление от Петрени А. С.

Прошу Вас починить замок и дверь, поломанные А. Кутасовым в кухне, которые он изломал, находясь в невменяемом состоянии, под влиянием избытка страсти к гражданке А. Т.

Жилец А. Петрени.

На конкурсе „самого короткого романа“ — тов. Петрени получил бы, конечно, первую премию.

ПОЖАЛУЙТЕ ВТОРИЧНО БРИТЬСЯ!

На путях большой узловой станции Киннель в течении трех часов дымился под парами поезд № 103 бис...

Пассажиры панически метались от поезда к станции и от станции к поезду:

— Скоро ли, наконец, поезд тронется? Какая причина простоя?

Когда поезд, наконец, тронулся—причина простоя стала известна составу поезда и пассажирам:

— Начальник станции Киннель, тов. Петражицкий, брился, собираясь к от‘езду в Самару.

А что если бы тов. Петражицкий решил перед от‘ездом в Самару попариться в баньке?

Впрочем, надо думать, что после стрижки и бритья, задержавшей поезд под парами на три часа, начальнику станции тов. Петражицкому задали хорошую баню, помимо его желания.

С легкими парами, тов. Петражицкий! И... пожалуйте вторично бриться!

ВСЕ ВРУТ КАЛЕНДАРИ, — ОСОБЕННО ЛЕНИНГРАДСКИЙ

Тов. Демьян Бедный прислал „Смехачу“ листок из календаря, изданного Ленинградским Гострестом „Полиграфическое Дело“.

Согласно утверждению составителя календаря, вопреки мнения самых осведомленных биографов, — Владимир Ильич Ленин родился два раза: *22 апреля 1870 года* — смотри стр. 113 этого календаря, и *23 апреля того же года* — смотри стр. 114.

А лучше всего не смотри — не стоит в этот календарь заглядывать!

Издатель — „ГУДОК“. Адрес редакции — Москва, Тверская 28. Отв. редактор — А. Богдасаров.

Главлит № А. 15.530. Отпечатано в 7-й типографии „Искра Революции“ Мосполиграфа. Москва, Арбат, Филипповский пер., 13. Тираж 100.000.

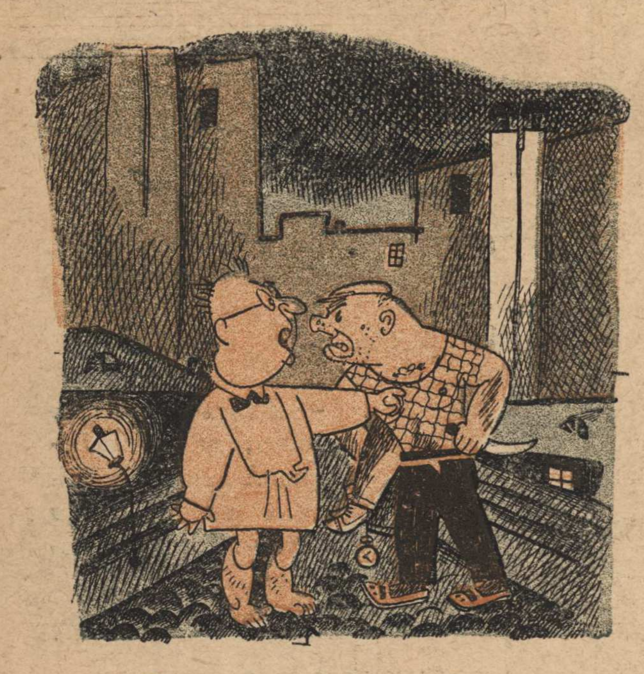
Рисунки К. Ротова

Бюрократ Бюрократыч

Текст Н. Агнивцева

1

На пустыре один молодчик
За горло Бюрократа —
хвать!
Молодчик этот был — налетчик,
И стал его он раздевать!

И, гневно бросив гордый взгляд,
Привычно молвил Бюрократ:
— „Кончайте ваше дело
и — уходите!“.

* * *

2

Весенней ночью — в результате
Весенних чувств — его жена

К нему направила об'ятья,
От страсти загсовой бледна!

И, гневно бросив гордый взгляд,
Привычно молвил Бюрократ:
— „Подождите в прием-
ной!“.

3

Весною солнце — сердобольно
И очень прыткое оно!
И солнце, словно мяч футболь-
ный,
К нему ворвалось сквозь окно!..

И, гневно бросив гордый взгляд,
Привычно молвил Бюрократ:
— „Без доклада не вхо-
дить!“.

* * *

4

Письмо от женщины любимой
Он, получив, был очень рад...
Но все ж его — неумолимо —
Вернул по адресу назад!

И, гневно бросив гордый взгляд,
Привычно молвил Бюрократ:
— „Марка не на том ме-
сте наклеена!“.

* * *

5

Все, что полезно, — не позорно!
И потому он, как-то, был
В том месте, что зовут „убор-
ной“...
Вдруг в двери кто-то задол-
бил!..

И, гневно бросив гордый взгляд,
Привычно молвил Бюрократ:
— „Зайдите через две
недели!“.

* * *

6

Пришли веселые дни мая!
И вот: „Весенний первый гром,

Как-бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом!“

И, гневно бросив гордый взгляд,
Привычно молвил Бюрократ:

— „Прошу не нарушать
тишины!“.

7

Он на свиданьи по весне был!..
Она сказала: „Я — твоя!“.
И, вот, жемчужинами с неба
Упало пенье соловья...

И, гневно бросив гордый взгляд,
Привычно молвил Бюрократ:
— „Не мешайте занятым
людям!“.

8

Был соловей превыше меры
Обижен в радости своей!
И, в первый раз за всю карь-
еру,
Ответил басом соловей:
— „Катись ты колбасой,
гад ползучий!“,
Плюнул и — улетел!